

МАРИКА
ВАЙД

КЛЮЧИ
ТРЕХ МИРОВ

ТОМ 1

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
В14

Вайд, М.

В14 Ключи Трёх миров. Том 1 / М. Вайд. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 362 с. — (Ключи Трёх миров).

ISBN 978-5-517-12576-7

На заре веков течение времён хранилось Оком Бога — небесным артефактом горы Шэньчжиянь. Но зависть и непомерные амбиции небожителей вынудили Мудрейшего запечатать артефакт ценой собственного духа, а ключи Трёх миров надёжно скрыть. Спустя тысячелетия старая легенда вновь будоражит умы высших бессмертных. Ведь открывший Око Бога получит абсолютную власть.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12576-7

© Вайд М., 2025
© Сарафанников Я., оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии, 2025

Глава 1

День идёт и за ним ночь

В бронь оденься, отбрось шёлк прочь.

Оглянись: бой идёт, день идёт и за ним ночь.

Благословение небес — весенний дождь, внезапно превратился в настоящее проклятие: непрекращающиеся ливни шли уже второй месяц, угрожая превратить Ся в зловонные болота. И только близость к хребтам Фуню позволяла северянам беспрепятственно навещать ближайшие поселения: дороги здесь были каменистыми, а лишняя вода стекала в долину, переполняя ближайшую реку и озеро Синбо. Отчего река вышла из берегов, а озеро заметно изменило очертания, подтопив Долину целителей.

Ся Шучэн, единственная дочь гуна северного города Дицю, осторожно приоткрыла отяжелевшую от сырости шерстяную занавеску и выглянула наружу. Повозка катилась по каменному настилу, жёстко подпрыгивая на ухабах, навстречу быстро опускающимся сумеркам. Серые небеса на горизонте сливались с такой же неприглядной мокрой землёй, будто пришитой к низким облакам косыми стежками мелкого затажного дождя.

Она привычно выделила из унылого пейзажа чёрную полосу, виднеющуюся на северо-востоке. Город Дицю. Место негласной ссылки её отца, родного брата третьего вана династии Ся. Официально Ся Чжункан направлен на север для защиты границ от кочевых племён. Но все вокруг прекрасно

знают: он удалён от двора по просьбе наложницы Вэнь, любимой женщины правителя.

И этот позор до сих пор не смыт кровью... Хотя прошло больше десяти лет.

Ся Шучэн ни разу за свою короткую жизнь не видела ту женщину. Но чужое имя она запечатлела на своих костях. Ведь иногда для ненависти не требуется личного знакомства. Ей достаточно взглянуть на хмурого отца, чтобы представить гаремную змею, определившую судьбу младшей ветви правящего дома, и пожелать той скорейшей смерти.

— Младшая госпожа... Младшая госпожа!

Тихий голос служанки вывел Шучэн из задумчивости — безликий образ наложницы Вэнь растаял в вечерней мгле, оставляя после себя едкую тоску, такую же невнятную, как серый пейзаж за окном повозки.

— Мм?.. — нехотя отозвалась она.

— Младшая госпожа, тебе нельзя так сильно мёрзнуть, — служанка решительно выдернула край шерстяной занавески из озябших пальцев и подула ей на руку, пытаясь согреть. — Кожа вся посинела от холода! Что я старшей госпоже скажу, если ты опять заболеешь?

— Матушке нет до меня дела, А-Тун. Единственное, что волнует её сейчас — внимание моего отца. Наложница Бу слишком хороша собой, чтобы матушке жилось спокойно. До родной ли дочери при таких обстоятельствах?

Тун пристально взглянула на неё, но промолчала. Шучэн позволила укутать себя во вторую меховую накидку, с интересом наблюдая за суетливыми движениями служанки. Что с этой девой случилось? Обычно та болтает, не умолкая.

— А-Тун...

— Да, младшая госпожа?

— Матушка в последние дни не приказывала бить тебя? Может, я чего-то не знаю о жизни слуг в Красной резиденции гуна Дицю?

— Младшая госпожа! Неужели хочешь проклясть и накликать беду на эту ничтожную? — с укором в голосе отозвалась Тун, услужливо протягивая грелку для рук.

Глиняная жаровня с затухающими древесными углями, обтянутая тёмно-коричневым норковым мехом, заставила блаженно прикрыть веки, наслаждаясь теплом. Тун права — незаметно для самой себя она сильно замёрзла.

Впрочем, когда её не донимал холод?

Сколько Шучэн помнила себя, она мёрзла. Зимними ветрами, благоухающей весной, в летний изнуряющий зной и под шорохом осенних листьев — ей всегда не хватало тепла. Меховая накидка стала одной из важнейших одежд, без которой она не покидала спальные покои.

Матушка, немногословная госпожа Се Цяньяо, утверждала, что виной всему позорная болезнь: под новолуние Шучэн ходила во сне, пугая служанок. А её необузданный гнев мог навредить окружающим людям. Когда такое случалось, мать не только ругала, но и била дочь, злобно приговаривая: «Ты моё проклятие! Самое большое проклятие...»

Проклятием Ся Шучэн быть не хотелось.

Поэтому она послушно уезжала к подножию Сюэшань, где под присмотром дяди — главы клана Снежной горы, пыталась обуздать странный недуг, чтобы угодить матери. И, в конце концов, болезнь немного отступила — теперь от Шучэн не страдали посторонние люди. Правда, материнской любви частичное исцеление не принесло. Да и холод донимал её по-прежнему, не позволяя вести беззаботную жизнь дочери одного из самых богатых людей государства Ся.

Шучэн осторожно прижала грелку к груди, позволяя живому теплу добраться до самого сердца. Если не согревает материнская любовь, древесные угли тоже подойдут. Она хочет выжить и обязательно выживет! Совсем как чахлый рисовый побег, проклюнувшийся этой холодной весной.

Повозка резко дёрнулась, замерев на месте, а лошади тревожно заржали, проявляя беспокойство. Шучэн слетела на пол вместе с подушками, по неосторожности выронив грел-

ку. Верная служанка тотчас выдернула из пучка волос шпильку, принявшись ловко собирать ею вывалившиеся на коврик угли.

А Шучэн, теперь предоставленная себе, нехотя выбралась из повозки, чтобы утолить любопытство. Остановка показалась ей бессмысленной: город уже совсем близко. Почему возничий сегодня настолько неосторожен, что посмел задерживать их в пути?

Выйдя, она обнаружила, что дождь на время прекратился. При этом тьма стала гуще — отблески яркого света виднелись лишь на горизонте, где раскинулся славный город Дицю. Поэтому вокруг повозки рассыпались десятки нервно трепещущих на ветру факелов. Слышался топот бегущих куда-то людей, сдавленные крики — удивлённые и немного растерянные.

Сегодня был День поминовения усопших — праздник Цинмин, приходившийся на лунный месяц дракона. Утром отец отправился к алтарю, возведённому южнее города, вместе с воинами своего дома. И Шучэн даже подумать не могла, что вечером, на обратном пути к Дицю, им посмеют заступить дорогу вооружённые чужаки. Она уже рассмотрела мечущиеся вокруг дороги тени — низкорослые люди, больше похожие на карликов, беззвучно атаковали охрану гуна.

Шучэн с тревогой взглянула на повозку отца, до этого ехавшую впереди всех, и облегчённо выдохнула — тот занял оборонительную позицию с мечом в руке, а окружающие его воины ощерились во все стороны натянутыми луками.

Ей нужно вернуться! Пусть стенки повозки совсем ненадёжная защита, но это лучше, чем стоять на виду у врага. Шучэн осторожно попятилась, стараясь не привлекать внимания. Однако манёвр не удался, как было задумано — дверца повозки скрипнула и оттуда показалась голова служанки. А через мгновение раздался её истошный визг. Один из карликов вынырнул из серой полутьмы, причём его прыжок походил на кошачий по ловкости и силе: ноги атакующего оказались выше замершей на подножке Тун, а обнажённый меч нацелился ей в голову.

Шучэн невольно ахнула и поражённо отметила, что видит каплю вновь начавшегося дождя — та зависла на острие занесённого меча, медленно растягиваясь, готовая сорваться вниз. На этой крошечной поверхности, сотканной из серебристо-мутной воды, отражались неясные блики горящих вокруг факелов.

А потом капля лопнула, скользнув мелкими брызгами на сырую землю. И следом за ней откуда-то из груди Шучэн вырвалась протестующая волна... нет, не страха, острого гнева, сметающего всё и всех на своём пути: по-кошачьи ловких карликов, вставших плечом к плечу воинов отца, напряжённо перекликающихся слуг с факелами в руках, а также уставших от дороги и промокших насквозь лошадей.

Ещё она увидела, как удивлённо оглянулся напавший на служанку мужчина — зрачки его глаз подозрительно мерцали, напоминая звериные. Он сделал первый уверенный шаг в её сторону, а потом словно наткнулся на невидимую преграду.

Крик Тун в это мгновение резко оборвался: служанка покинула ненадёжное место, быстро спрыгнув на землю. После чего незримая волна сбила мужчину со звериными глазами с ног, а следом опрокинула повозку.

Но Шучэн почувствовала только одно — уходящую из-под ног мокрую дорогу.

Когда же она пришла в себя, оказалось, что её голова покоится на коленях у верной Тун. Ся Шучэн настороженно прислушалась к миру вокруг — повозка двигалась. Снаружи мерно цокали копыта лошадей, стучали натыкающиеся на мелкие камни колёса, и размеренно тёрлась в пазах набухшая от сырости ось.

— Младшая госпожа... ты, наконец, пришла в себя! — Тун забавно шмыгнула носом. — Слава нашим предкам и всем небожителям, ты пришла в себя...

Шучэн нахмурилась, пытаясь вспомнить, что же с нею произошло? Но голова раскалывалась так, словно по макушке долбили деревянной колотушкой. А в памяти всплывал только один образ — повисшая на острие меча и блестящая в неяс-

ном свете капля дождя. Она покосилась на треплющуюся на сквозняке занавеску и тихонько вздохнула.

Служанка восприняла этот вздох по-своему — принялась ощупывать её руки и ноги.

— Ты не ранена, младшая госпожа? Нигде не болит?

— А-Тун... что... случилось? Те люди... они ушли?

— Ох, бедная моя... бедная молодая госпожа... — вдруг запричитала служанка. — Теперь твоя матушка точно разгневается! Что же нам делать?

Шучэн почувствовала лёгкую досаду. Тун вновь походила на себя прежнюю — трещала над ухом без умолку, как надоедливая сорока.

— А теперь ты меня проклинаешь, А-Тун?

— Ох... Нет, младшая госпожа, нет! Небеса мне свидетели... Но ведь старшая госпожа и правда будет недовольна.

— Почему?

Шучэн уже догадалась о причине, но всё-таки решила уточнить — вдруг ошиблась?

— Так это же ты, младшая госпожа, прогнала всех тех псов бродячих, чтоб им покоя не было в загробном мире!

— Я?

— Да... — Тун осторожно промокнула ей лоб платком, удаляя холодный, словно утренняя роса пот.

Зря спрашивала... Всё и так яснее некуда — старая болезнь вернулась! Шучэн обречённо прикрыла веки и постаралась на некоторое время забыться. Наступивший вечер определённо станет для неё одним из самых тяжёлых в эту непогожую весну.

* * *

Состояние зятя совсем не нравилось главе Се. Гун Дицю тяжело дышал, а сквозь распахнутое нательное бельё виднелась мокрая от пота кожа, такая бледная, что напоминала нефрит или напудренные щёки придворной красавицы.

Но главу Се больше интересовало не общее состояние гуна, а происхождение его раны: закатанный правый рукав об-

нажал четыре ровных пореза, идущих параллельно. Это выглядело, как удар кошачьей лапы, однако превосходило нормальные размеры в пять или шесть раз.

— Всё настолько плохо? — гун прервал молчание первым.

Несмотря на довольно печальный смысл вопроса, он нашёл в себе силы, чтобы улыбнуться. Глава Се ни капли не сомневался в силе воли зятя и его мужестве. Если Ся Чжункану больно, он и бровью не поведёт. Родиться в правящей семье — всё равно что с пелёнок облачиться в латы. Никто не должен знать о твоей слабости. Этот урок младший брат вана усвоил куда лучше навыков каллиграфии.

— Докладываю гуну, — глава Се решил до конца держать уважительный тон, присущий подчинённому — Ся Чжункан никогда не баловал родственников своим доброжелательным отношением, потому и глава Се, как старший брат его наложницы, тоже не допускал вольностей в общении. — Царапины выглядят необычно. Полагаю, в них демонический яд. Пульс довольно слабый.

Улыбка гуна стала чуть шире. Окинув главу Се внимательным взглядом, он заметил:

— Уже по одному твоему виду, нэйсюн¹, ясно — дела не так хороши, как хотелось. Можешь не беречь мои чувства. Говори правду! В конце концов, из нас двоих ты мастер ядов, а я предпочитаю знать, сколько дней мне осталось.

Глава Се вежливо сложил перед собой руки и поклонился.

— Да простит гун, но мне придётся причинить ему боль. Действие яда ещё можно остановить. К счастью, этот нэйсюн вернулся в город вовремя.

Гун кивнул всё с той же, чуть высокомерной усмешкой, характерной для человека высокого положения.

— Боль не то, чего я боюсь в этой жизни.

Глава Се знал — Ся Чжункан не врёт и не красуется перед ним, чтобы показать свою мужественность. Хотя младший брат правителя не имел воинского звания, он провёл на поле

¹ Нэйсюн — старший брат жены, шурин.

боя гораздо больше времени, чем ныне опальный хоу Вэнь, бывший командующий столичного гарнизона.

О боевом опыте красноречиво свидетельствовал побледневший со временем, но оттого не менее уродливый шрам, пересекающий правую бровь — сюда пришёлся удар копья кочевника мяо. Тогда младшего брата правителя посчитали мёртвым, настолько было залито кровью его лицо. Но Ся Чжункан выжил и возненавидел племена мяо ещё больше. А потом он обозлился на хоу Вэня, бестолкового командующего, прячущего стратегические ошибки за пёстрой юбкой своей родной сестры, наложницы Вэнь.

Глава Се совсем не осуждал гуна, хотя и считал его поступки десятилетней давности по-настоящему опрометчивым шагом. Выступив против семьи Вэнь, Ся Чжункан дал брату, третьему вану династии Ся, повод изгнать себя из столицы. Бунт против тирании наложницы Вэнь был справедлив и даже благороден, но при этом совершенно не имел смысла: правитель любил порочную женщину сильнее родного брата. Поэтому изгнание последнего предопределила сама судьба.

— Чего затих? — поинтересовался гун Дицю, коснувшись его рукава.

— Подайте мне таз с тёплой водой и хлопковые полотенца, — распорядился глава Се слугам. — Прости, дорогой зять! Я замешкался, обдумывая способ извлечения яда.

— И?

— Ничего не остаётся, кроме как ранить тебя ещё сильнее.

Глава Се не преувеличивал, говоря это. Промыв рану принесённой водой, он накалил бронзовый нож, прошептал заклинание и старательно вырезал поражённую плоть, а затем присыпал рану толчёными травами.

Ся Чжункан лишь сильнее побледнел, но с его плотно сжатых губ не сорвалось ни единого звука.

Глава Се плотно забинтовал повреждённую руку и помог раненому зятю удобно разместиться на кровати под тёмно-красными, как голубиная кровь, шёлковыми занавесками. А затем подал собственноручно изготовленную пилюлю. Гун